

**Тысяча и одна
НОЧЬ**

Том III

Перевод с арабского
Михаила Салье

ФТМ

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том III

Серия «Тысяча и одна ночь», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22098289
Тысяча и одна ночь. Том III: ФТМ; Москва;
ISBN 978-5-4467-2992-0

Аннотация

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш.

«1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные.

Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира.

В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный

Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

Содержание

Рассказ о Ганиме ибн Айюбе (ночи 39–45)	5
Тридцать девятая ночь	6
Рассказ первого евнуха (ночь 39)	11
Рассказ второго евнуха (ночи 39–40)	13
Ночь, дополняющая до сорока	16
Сорок первая ночь	25
Сорок вторая ночь	37
Сорок третья ночь	44
Сорок четвертая ночь	49
Сорок пятая ночь	53
Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-аль Макане,	55
Сорок шестая ночь	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Тысяча и одна ночь

Том III

Рассказ о Ганиме ибн Айюбе (ночи 39–45)

Но рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис не удивительнее повести о купце и его детях», – продолжала Шахразада.

«А как это было?» – спросил Шахрияр.

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия один купец, у которого водились деньги. Еще был у него сын, подобный луне в ночь полнолуния, красноречивый языком, по имени Ганим ибн Айюб, поработанный, похищенный любовью. А у Ганима была сестра по имени Фитна, единственная по красоте и прелести. И их отец скончался и оставил им денег...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать девятая ночь

Когда же настала тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что тот купец оставил им большое состояние и, между прочим, сто тюков шелка, парчи и мешочков мускуса¹, и на этих тюках было написано: «Это из того, что приготовлено для Багдада», – у купца было намерение отправиться в Багдад. А когда его взял к себе Аллах великий и прошло некоторое время, его сын забрал эти тюки и поехал в Багдад. Это было во времена халифа Харуна ар-Рашида. И сын простился со своей матерью, близкими и согражданами перед тем, как уехать, и выехал, полагаясь на Аллаха великого, и Аллах начертал ему благополучие, пока он не достиг Багдада, и с ним было множество купцов. И он нанял себе красивый дом и устлал его коврами и подушками и повесил в нем занавески и поместил в доме эти тюки и мулов и верблюдов и сидел, пока не отдохнул, а купцы и вельможи Багдада приветствовали его. А потом он взял узел, где было десять отрезков дорогой материи, на которых была написана их цена, и отправился на рынок. И купцы встретили его словами: «Добро пожаловать!» и приветствовали его и оказали почет и помогли ему спешиться и посадили рядом

¹ Мускус – вещество с резким своеобразным запахом, выделяемое одной из желез кабарги (млекопитающее из семейства оленей). Сохраняется в этой засушенной мешковидной железе.

со старостою рынка. Потом Ганим подал старосте узел, и тот развязал его и вынул куски материи, и староста рынка продал для него эти отрезы. И Ганим нажил на каждый динар два таких же динара. Он обрадовался и стал продавать материи и обрезы, один за другим, и занимался этим целый год.

А в начале следующего года он подошел к галерее², бывшей на рынке, и увидел, что ворота ее заперты, и когда он спросил о причине этого, ему сказали: «Один из купцов умер, и все купцы ушли, чтобы быть на его похоронах. Не хочешь ли ты получить небесную награду, отправившись с ними?» И Ганим отвечал: «Хорошо!» – и спросил о месте погребения. И ему указали это место, и он совершил омовение и шел с купцами, пока они не достигли места молитвы и не помолились об умершем, а потом все купцы пошли перед носилками на кладбище, и Ганим последовал за ними в смущении.

А они вышли с носилками из города и, пройдя меж гробниц, дошли до могилы и увидели, что родные умершего уже разбили над могилой палатку, принесли свечи и светильники. И затем мертвого закопали, и чтецы сели читать Коран над его могилой, и купцы тоже сели, и Ганим ибн Айюб сел с ними, и смущение одолело его, и он говорил про себя: «Я не могу оставить их и уйду вместе с ними».

И они просидели, слушая Коран, до времени ужина, и им подали ужин и сладкое, и они ели, пока не насытились, а по-

² Имеется в виду крытый рынок, где лавки расположены в два ряда

том вымыли руки и остались сидеть на месте. Но душа Ганима была занята мыслями о его доме и товарах, и он боялся воров. И он сказал про себя: «Я человек чужой и подозреваемый в богатстве; если я проведу эту ночь вдали от дома, воры украдут деньги и тюки».

И, боясь за свое имущество, он встал и, попросив разрешения, ушел от собравшихся, сказав, что идет по важному делу. И он шел по следам на дороге, пока не достиг ворот города, а в то время была полночь, и он нашел городские ворота запертыми и не видал никого на дороге и не слышал ни звука, кроме лая собак и воя волков. И Ганим отошел назад и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Я боялся за свои деньги и шел ради них, но нашел ворота закрытыми и теперь боюсь за свою душу!»

После этого он повернул назад, чтобы присмотреть себе место, где бы проспать до утра, и увидел усыпальницу, окруженную четырьмя стенами, где росла пальма, и там была открывающаяся дверь из камня. И он вошел в усыпальницу и хотел заснуть, но сон не шел к нему. Его охватил страх и тоска, так как он был среди могил. И тогда он поднялся на ноги, и открыл дверь гробницы, и посмотрел – и вдруг видит: вдали, со стороны городских ворот, свет. И, пройдя немного, он увидал, что этот свет на дороге движется к той гробнице, где он находился. И тут Ганим испугался за себя и, поспешив закрыть дверь, стал взбираться на пальму, и влез наверх, и спрятался в ее маковке.

А свет все приближался к гробнице понемногу, понемногу, пока совсем не приблизился к усыпальнице. Ганим приоткрылся и увидел трех негров: двое несли сундук, а у третьего в руках был фонарь и топор.

Когда они подошли к усыпальнице, один из негров, несших сундук, воскликнул: «Что это, Сауаб!», а другой негр отвечал: «Что с тобой, о Кафур?» И первый сказал: «Разве не были мы здесь в вечернюю пору и не оставили дверь открытой?» – «Да, эти слова правильны», – отвечал другой, и первый сказал: «А вот она закрыта и заперта на засов!» И тогда третий, который нес топор и свет (а звали его Бухейтом), сказал им: «Как мало у вас ума! Разве вы не знаете, что владельцы садов выходят из Багдада и гуляют здесь, и, когда их застанет вечер, они прячутся здесь и запирают за собой дверь, боясь, что черные, вроде нас, схватят их, изжарят и съедят?» И они ответили: «Ты прав; клянемся Аллахом, нет среди нас умнее, чем ты». – «Вы мне не поверите, – сказал Бухейт, – пока мы не пойдем в гробницу и не найдем там кого-нибудь. Я думаю, что когда он заметил свет и увидел нас, он убежал со страху и забрался на верхушку этой пальмы».

И когда Ганим услышал слова раба, он произнес про себя: «О, самый проклятый из рабов! Да не защитит тебя Аллах за этот ум и за все это знание! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Что теперь освободит меня от этих негров?»

А те, что несли сундук, сказали тому, у которого был то-

пор: «Влезь на стену и отвори нам дверь, о Бухейт, мы устали нести сундук на наших шеях. А когда ты откроешь нам дверь, тебе будет от нас один из тех, кого мы схватим. Мы изжарим его тебе искусно своими руками, так что не пропадет ни капли его жира!» – «Я боюсь одной вещи, о которой я подумал по малости моего ума, – отвечал Бухейт. – Перебросим сундук за стену – ведь здесь наше сокровище». – «Если мы его бросим, он может разбиться», – возразили они, но Бухейт сказал: «Я боюсь, что в гробнице прячутся разбойники, которые убивают людей и крадут вещи, потому что, когда наступает вечер, они укрываются в таких местах и делят добычу». – «О малоумный, разве они могут войти сюда?» – сказали ему те двое, что несли сундук. Потом они понесли сундук и, взобравшись на стену, спустились и открыли дверь, а третий негр, то есть Бухейт, стоял перед ними с фонарем, топором и корзиной, в которой было немного цемента.

А после этого они сели и заперли дверь, и один из них сказал: «О братья, мы устали идти и носить, ставить и открывать и запирать; теперь полночь, и у нас не осталось духу, чтобы вскрыть гробницу и закопать сундук. Вот мы отдохнем три часа, а потом встанем и сделаем то, что нам нужно, и пусть каждый расскажет нам, почему его оскопили, и все, что с ним случилось, с начала до конца, чтобы эта ночь скорее прошла, а мы отдохнули». И тогда первый, который нес фонарь (а имя его было Бухейт), сказал: «Я расскажу вам свою повесть», и ему ответили: «Говори!»

Рассказ первого евнуха (ночь 39)

«Братья, – начал он, – знаете, что, когда я был совсем маленький, работороговец привез меня из моей страны, и мне было тогда только пять лет жизни. Он продал меня одному военному, у которого была дочь трех лет от роду. И я воспитывался вместе с нею, и ее родные смеялись надо мной, когда я играл с девочкой, плясал и пел для нее. И мне стало двенадцать лет, а она достигла десятилетнего возраста, но мне не запрещали быть вместе с нею.

И в один день из дней я вошел к ней, а она сидела в уединенном месте и как будто только вышла из бани, находившейся в доме, так как она была надушена благовониями и куреньями, а лицо ее походило на круг полной луны в четырнадцатую ночь. И девочка стала играть со мной, и я играл с нею (а я в это время почти достиг зрелости), и она опрокинула меня на землю, и я упал на спину, а девочка села верхом мне на грудь и стала ко мне прижиматься. И она прикоснулась ко мне рукой и во мне взволновался жар, и я обнял ее, а девочка сплела руки вокруг моей шеи и прижалась ко мне изо всех сил. И не успел я опомниться, как я прорвал ее одежду и уничтожил ее девственность. И, увидев это, я убежал к одному из моих товарищей. А к девочке вошла ее мать и, увидав, что с нею случилось, потеряла сознание, а потом она приняла предосторожности и скрыла и утаила от

отца ее состояние и выждала с нею два месяца, и они все это время звали меня и улещали, пока не схватили меня в том месте, где я находился, но они ничего не сказали ее отцу об этом деле из любви ко мне. А потом ее мать просватала ее за одного юношу-цирюльника, который брил отца девушки, и дала за нее приданое от себя и обрядила ее для мужа, и при всем этом ее отец ничего не знал о ее положении, и они старались раздобыть ей приданое. И после этого они неожиданно схватили меня и оскопили, а когда ее привели к жениху, меня сделали ее евнухом, и я шел впереди нее, куда она ни отправлялась, все равно, шла ли она в баню, или в дом своего отца. А ее дело скрыли, и в ночь свадьбы над ее рубашкой зарезали птенца голубя, и я провел у нее долгое время и наслаждался ее красотой и прелестью, целуясь и обнимаясь и лежа с нею, пока не умерли и она, и ее муж, и ее мать, и ее отец, а затем меня забрали в казну, и я оказался в этом месте и сделался вашим товарищем. Вот почему, о братья, у меня отрезали член, и конец».

Рассказ второго евнуха (ночи 39–40)

Второй негр сказал: «Знайте, о братья, что в начале моего дела, когда мне было восемь лет, я каждый год один раз лгал работорговцам, так что они между собой ссорились. И один работорговец впал из-за меня в беспокойство и отдал меня в руки посредника и велел ему кричать: «Кто купит этого негра с его пороком?» – «А в чем его порок?» – спросили его, и он сказал: «Он каждый год говорит одну ложь». И тогда один купец подошел к посреднику и спросил его: «Сколько давали за него денег с его пороком?» И посредник отвечал: «Давали шестьсот дирхемов». – «А тебе будет двадцать дирхемов», – сказал тогда купец, и посредник свел его с работорговцем, и тот получил от него деньги, а посредник доставил меня в дом этого купца и взял деньги за посредничество и ушел.

И купец одел меня в подобающую мне одежду, и я прожил у него, служа ему, весь остаток этого года, пока не начался, счастливо, новый год. А год этот был благословенный, урожайный на злаки, и купцы стали ежедневно устраивать пиры, так что каждый день собирались у одного из них, пока не пришло время быть пиру у моего господина, в роце за городом.

И он отправился с купцами в сад и взял все, что было им нужно из еды и прочего, и они сидели за едой, питьем и беседой до полудня. И тогда моему господину понадобилась одна вещь из дому, и он сказал мне: «Эй раб, садись на мула, поезжай домой и привези от твоей госпожи такую-то вещь и возвращайся скорей!» И я последовал его приказанию и отправился в дом. И, приблизившись к дому, я принялся кричать и лить слезы, и жители улицы, большие и малые, собрались около меня. Жена моего господина и его дочери услышали мой крик, открыли ворота и спросили, в чем дело. И я сказал им: «Мой господин сидел у старой стены со своими друзьями, и стена упала на них, и когда я увидел, что с ними случилось, я сел на мула и скорее приехал, чтобы вам рассказать».

И, услышав это, его жена и дочери принялись кричать и рвать на себе одежду и бить себя по лицу. И соседи сошлись к ним, а что до жены моего господина, то она опрокинула все вещи в доме, одну на другую, и сломала полки и разбила окна и решетки и вымазала стены грязью и индиго и сказала мне: «Горе тебе, Кафур, пойдя сюда, помоги мне. Сломай эти шкафы и перебей посуду и фарфор и другое!»

И я подошел к ней и стал с нею рушить полки в доме, со всем, что на них было, и обошел крыши и все помещение, разрушая их, и бил фарфор и прочее, что было в доме, пока все не было поломано, и при этом я кричал: «Увы, мой господин!»

А потом моя госпожа вышла с открытым лицом, имея только покрывало на голове и ничего больше, и с нею вышли ее дочери и сыновья, и они мне сказали: «Кафур, иди впереди нас и покажи нам то место, где находится твой господин, под стеною, мертвый, чтобы мы могли извлечь его из-под обломков и принести его в гробу и доставить в дом и сделать ему хороший вынос».

И я пошел впереди них, крича: «Увы, мой господин!» и они шли сзади меня с открытым лицом и головой и кричали «Ах, ах!» об этом человеке.

И на улице не осталось никого – ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, ни старухи, которая бы не шла с нами, и все они некоторое время били себя вместе с нами по лицу, горько плача. И я прошел с ними весь город, и народ спрашивал, в чем дело, и они рассказывали, что услышали от меня, и люди говорили: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» И кто-то сказал:

«Это не кто иной, как большой человек! Пойдемте к вали³ и расскажем ему». И когда они пришли к вали и рассказали ему...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

³ Вали – начальник городской полиции.

Ночь, дополняющая до сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда они пришли к вали и все рассказали ему, вали поднялся и сел верхом и взял с собою рабочих с лопатами и корзинами, и они пошли, следуя за мной, и с ними множество народу.

И я шел впереди них и бил себя по лицу и кричал, а моя госпожа и ее дочери были сзади и вопили. И я побежал впереди них и опередил их, крича и посыпая себе голову пылью и ударяя себя по лицу, и вбежал в тот сад, и мой господин увидел меня, когда я бил себя по лицу и кричал: «Увы, моя госпожа! Ах! Ах! Ах! Кто мне теперь остался, чтобы пожалеть меня, после моей госпожи! О, если бы я был за нее выкупом!»

И, увидев меня, мой господин оторопел, и лицо его пожелтело, и он воскликнул: «Что с тобою, Кафур, в чем дело?» И я ответил ему: «Когда ты послал меня домой, я вошел и увидел, что стена, которая в комнате, упала и свалилась на мою госпожу и ее детей». – «И твоя госпожа не уцелела?» – спросил он меня. И я сказал: «Нет, клянусь Аллахом, о господин мой, никто из них не остался цел, и первую умерла моя старшая госпожа». – «А цела ли моя маленькая дочь?» – спросил он. И я отвечал: «Нет». И тогда он сказал: «А как поживает мул, на котором я езжу? Он уцелел?» – «Нет, кля-

нусь Аллахом, о господин мой, – отвечал я, – стены дома и стены стойла упали на все, что там было, даже на овец, гусей и кур. Все они превратились в груды мяса, и их съели собаки, и никто из них не остался жив». – «И твой старший господин тоже не уцелел?» – спросил мой хозяин. «Нет, клянусь Аллахом, из них не уцелел никто, – сказал я, – в ту минуту не осталось ни дома, ни обитателей. Не осталось от них и следа. А что до овец, гусей и кур, то их съели кошки и собаки».

И когда мой хозяин услышал мои слова, свет стал мраком перед его лицом, и он не мог владеть ни своей душой, ни своим умом, и не был в силах стоять на ногах, – такая на него нашла слабость. И его спина подломилась, и он разорвал на себе одежду и выщипал себе бороду и скинул тюрбан со своей головы и, не переставая, бил себя по лицу, пока на нем не показалась кровь, и кричал: «А! О мои дети! Ах! О моя жена! Ах! Горе тому, с кем случилось то, что случилось со мной!»

И купцы, его товарищи, закричали из-за его крика и заплакали с ним, сочувствуя его состоянию, и порвали на себе одежду. И мой господин вышел из того сада, продолжая бить себя по лицу из-за беды, которая его постигла, и от сильных ударов он стал как пьяный. И когда он с купцами выходил из ворот, они вдруг увидели большое облако пыли и слышали крики и вопли и, посмотрев на тех, кто приближался, увидели, что это вали и стражники, и народ, и люди, которые смотрели, а родные купца, позади них, кричали и вопили,

горько и сильно плача.

Первыми, кого встретил мой господин, были его жена и дети. Увидав их, он оторопел и засмеялся и ободрился и сказал им: «Каково ваше состояние? Что случилось с вами в нашем доме и что с вами произошло?» И, увидя его, они воскликнули: «Слава Аллаху за твое спасение!» – бросились к нему, а его дети уцепились за него и кричали: «О наш отец! Слава Аллаху за твое спасение, о батюшка!»

И жена его спросила: «Ты здоров? Слава Аллаху, который дал нам увидеть твое лицо благополучным!» Она была ошеломлена, и ее ум улетел, когда она его увидела. «О господин, как случилось, что ты цел, ты и купцы, твои друзья?» – спросила она. А купец сказал: «Что случилось с вами в нашем доме?» И жена отвечала: «У нас все хорошо, мы в добром здоровье, и наш дом не постигло никакое зло, но только твой раб Кафур приехал к нам с непокрытой головой, в разорванной одежде, крича: «Увы, мой господин! Увы, мой господин!» И когда мы спросили его: «Что случилось, Кафур?» – он сказал: «На моего господина и его друзей, торговцев, упала стена в саду, и они все умерли». – «Клянусь Аллахом, – воскликнул мой хозяин, – он сейчас пришел ко мне, крича: «О моя госпожа! О дети моей госпожи!» – и сказал: «Моя госпожа и ее дети – все умерли».

И он посмотрел по сторонам и увидел меня с разорванным тюрбаном на голове, а я кричал и горько плакал и сыпал землю себе на голову, и тогда он позвал меня, и я пошел к

нему, и он воскликнул: «Горе тебе, скверный раб, сын развратницы, проклятый по породе! Что это за беды ты натворил! Но клянусь Аллахом, я непременно сдеру кожу с твоего мяса и отрежу мясо от твоих костей». – «Клянусь Аллахом, – отвечал я, – ты ничего не можешь со мною сделать, так как ты купил меня, несмотря на мой порок, и с этим условием. Свидетели будут свидетельствовать против тебя. Раз ты купил меня, несмотря на мой порок, и знал о нем, а заключался он в том, что я каждый год говорю одну ложь. Это – половина лжи, а когда год завершится, я скажу вторую половину, и будет целая ложь». – «О собака, сын собаки, о самый проклятый из рабов, – закричал на меня хозяин, – разве все это половина лжи! Это большое бедствие! Уходи от меня, ты свободен ради лика Аллаха!»⁴ – «Клянусь Аллахом, – сказал я, – если ты меня освободил, то я тебя не освобожу. Пока год не окончится, я не скажу остальной половины лжи. А когда я ее закончу, отведи меня на рынок и продай за столько, за сколько ты меня купил, с моим пороком, но не освобождай меня, так как нет ремесла, которым я мог бы прокормиться. А этот вопрос, о котором я тебе сказал, относится к закону, и о нем упоминают законоведы в главе об освобождении раба».

И пока мы разговаривали, подошел народ, люди и обитатели всей улицы, женщины и мужчины, чтобы высказать соболезнование, и пришел вали со своими людьми, и мой гос-

⁴ То есть без выкупа.

подин и купцы пошли к вали и рассказали ему о происшествии и о том, что это только половина лжи.

И, услышав это от него, они нашли мою ложь великой и до крайности удивились и стали проклинать и бранить меня, а я стоял и смеялся и говорил: «Как мой господин убьет меня, когда он купил меня с этим пороком?»

Придя в свой дом, мой господин нашел его разрушенным, и это было делом моих рук, ибо я перебил в нем вещи, стоящие много денег. И жена его тоже была их, но она сказала своему мужу: «Это Кафур разбил посуду и фарфор».

И гнев моего хозяина увеличился, и он ударил рукою об руку и сказал: «Клянусь Аллахом, я в жизни не видал сына прелюбодеяния, подобного этому негру! Он говорит, что это половина лжи, так что же будет, если будет целая ложь? Он разрушит город или два города!»

И потом, от сильного гнева, он подошел к вали, и тот заставил меня претерпеть изрядную порку, так что я исчез из бытия и потерял сознание, а мой хозяин оставил меня в обмороке и привел ко мне цирюльника, который оскопил меня и прижег мне рану, и, очнувшись, я увидел себя евнухом. А мой господин сказал мне: «Как ты сжег мне сердце, лишив меня самых дорогих для меня вещей, так и я сжег твое сердце, лишив тебя самого дорогого члена». И потом он взял меня и продал за самую дорогую цену, так как я стал евнухом⁵, и я не переставал вносить смуту в тех местах, куда ме-

⁵ Рабы-евнухи ценились дороже обыкновенных рабов.

ня продавали, и переходил от эмира к эмиру и от вельможи к вельможе. Меня продавали и покупали, пока я не вступил во дворец повелителя правоверных, но моя душа разбита, и хитрости отказываются служить мне, ибо я лишился своих ядер».

И, услышав его речи, оба негра засмеялись и сказали: «Ты дерьмо, сын дерьма и лжешь отвратительной ложью!» И потом они сказали третьему негру: «Расскажи нам твою историю». И тот сказал: «О сыны моего дяди, все, что вы рассказывали, – пустое. Вот я расскажу вам, почему мне отрезали ядра, хотя я заслуживал большего, чем это, так как я совершил блуд с моей госпожой и с сыном моего господина. Но моя история длинная, и теперь не время ее рассказывать⁶ так как утро, о сыны моего дяди, близко, и, быть может, взойдет день, а с нами еще будет этот сундук, и мы окажемся опозоренными, и пропадут наши души. Откройте-ка дверь. Когда мы отопрем ее и уйдем во дворец, я расскажу вам, почему мне отрезали ядра».

И он взобрался наверх и спустился со стены и отпер дверь, и они вошли и поставили свечу и стали рыть яму, по длине и ширине сундука, между четырьмя могилами, и Кафур копал, а Сауаб относил землю в корзинах, пока не вырыли яму в полчеловеческого роста, а потом они поставили в яму сундук и снова засыпали ее землей и, выйдя из гробницы, закрыли

⁶ Рассказ третьего евнуха отсутствует во всех известных нам списках книги «Тысячи и одной ночи».

дверь и скрылись из глаз Ганима ибн Айюба.

И когда все установилось и никого не осталось и Ганим убедился, что находится там один, его сердце гонялось мыслью о том, что в сундуке, он сказал про себя: «Посмотрю-ка, что в этом сундуке!» Но он выждал, пока засверкала и заблистала заря и стал виден ее свет, и тогда он спустился с пальмы и стал разгребать землю руками, пока не отрыл сундука и не вытащил его. А потом он взял большой камень и ударил им по замку и разбил его и, подняв крышку, посмотрел в сундук, и вдруг видит – там лежит молодая женщина, одурманенная банджем⁷, и дыхание ее поднимает и опускает ее грудь.

Она была красива и прелестна, и на ней были украшения и драгоценности из золота и ожерелья из дорогих камней, стоившие царства султана, цену которых не покрыть деньгами. И, увидав ее, Ганим ибн Айюб понял, что против этой девушки сговорились и одурманили ее банджем, и, убедившись в этом, он старался до тех пор, пока не извлек девушку из сундука и не положил ее на спину.

И когда она вдохнула дуновение ветра и воздух вошел ей в нос и в легкие, она чихнула и подавилась и закашлялась, и у нее из горла выпал кусок критского банджа, да такой, что если бы его понюхал слон, он наверное проспал бы от ночи до ночи. И она открыла глаза и обвела вокруг взором и сказала

⁷ Бандж – наркотик, известный в Европе под названием «гашиш» (точнее-хашиш).

нежными, ясными словами: «Горе тебе, ветер, нет в тебе утешения для жаждущего и развлечения для утолившего жажду! Где Захр-аль-Бустан?» Но никто не ответил ей, и она обернулась назад и крикнула: «Сабиха, Шеджерет-ад-дурр, Нур-аль-худа, Паджмат-ас-субх! Горе тебе! Шахва, Нузха, Хульва, Зарифа, говорите!» Но никто не ответил ей, и тогда она повела глазами и воскликнула: «Горе мне! Ты хоронишь меня в могилах! О ты, который знает то, что в сердцах, и воздаст в день воскресения и оживления! Кто это принес меня из-за занавесей и покрывал и положил между четырех могил?»

А Ганим стоял при этом на ногах, и он сказал ей: «О госпожа, нет ни покрывал, ни дворцов, ни могил, здесь только твой раб, похищенный любовью, Ганим ибн Айюб, которого привел к тебе знающий сокровенное, чтобы он спас тебя от этих горестей и добыл бы тебе все, до пределов желаемого». И он умолк, а девушка, убедившись, как обстоит дело, воскликнула: «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посланник Аллаха!» А потом она обернулась к Ганиму и, закрыв руками лицо, спросила нежными словами: «О благословенный юноша, кто принес меня в это место? Вот я уже очнулась». – «О госпожа, – отвечал Ганим, – пришли три негра, евнуха, и принесли этот сундук».

И потом он рассказал ей обо всем, что с ним случилось, и как его застиг вечер и он стал причиной ее спасения, а иначе она бы умерла, задохнувшись. А затем он спросил ее, какова

ее история и в чем с нею дело, и она ответила: «О юноша, слава Аллаху, который послал мне подобного тебе! Теперь вставай, положи меня в сундук и выйди на дорогу и, если найдешь погонщика ослов или мулов, найми его свезти этот сундук, а меня ты доставь к себе домой, и, когда я окажусь в твоём доме, будет добро, и я расскажу тебе свою повесть и поведаю свою историю, и тебе достанется через меня благо».

И Ганим обрадовался и вышел из гробницы (а день уже засиял, и воздух заблестал светом, и люди вышли и стали ходить) и нанял человека с мулом и привел его к гробнице и поднял сундук, положив в него сначала девушку (а любовь к ней запала в его сердце), и пошел с нею, радостный, так как это была девушка ценою в десять тысяч динаров и на ней были одежды и украшения, которые стоили больших денег. И Ганим не верил, что достигнет своего дома, и внес сундук и открыл его...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок первая ночь

Когда же настала сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ганим ибн Айюб достиг с сундуком своего дома, он открыл его и вынул из него девушку, и она посмотрела и увидела, что это прекрасное помещение, устланное коврами радующих цветов, и увидела также материи, увязанные в тюки, и узлы, и прочее. И она поняла, что Ганим большой купец и имеет много денег, и открыла лицо, и посмотрела на него, и вдруг видит – это красивый юноша. И, увидав его, девушка его полюбила и сказала ему: «О господин, подай нам чего-нибудь поесть». И Ганим отвечал ей: «На голове и на глазах!»⁸ А потом он пошел на рынок и купил жареного ягненка и блюдо сладостей и захватил с собой сухих плодов, на закуску, и свечей, и прихватил еще вина и то, что было необходимо из сосудов для напитков, и цветов и пришел домой со всеми этими покупками.

И когда девушка увидела его, она засмеялась и поцеловала его и обняла и принялась его ласкать, и его любовь увеличилась и обвилась вокруг его сердца. А потом они ели и пили, пока не подошла ночь.

И каждый из них полюбил другого, так как они были одних лет и одинаковой красоты. А когда наступила ночь, Га-

⁸ Этими словами выражается безусловное повиновение.

ним ибн Айюб, влюбленный, похищенный любовью, поднялся и зажег свечи и светильники, и помещение осветилось. И он принес сосуды с вином и расставил зелень и сел с ней и стал наливать и поить ее, а она наливала и пила его. И оба они играли и смеялись и произносили стихи, и радость их увеличилась, и любовь друг к другу прикасалась к ним – да будет превознесен тот, кто соединяет сердца! И они поступали так, пока не приблизилось утро. И сон победил их, и каждый из них спал в своем месте, пока не настало утро. И тогда Ганим ибн Айюб встал и вышел на рынок и купил все нужное: еду, питье, зелень, мясо и вино и прочее – и принес это в дом и сел с нею есть.

И они ели, пока не насытились, а после этого он принес вино, и они пили и играли друг с другом, пока их щеки не покраснели, а глаза не почернели. И в душе Ганима ибн Айюба появилось желание поцеловать девушку и проспаться с нею, и он сказал ей: «О госпожа, разреши мне один поцелуй с твоих уст, – может быть, он охладит огонь моего сердца». – «О Ганим, – сказала она, – потерпи, пока я напьюсь и исчезну из мира, и возьми от меня поцелуй тайно, чтобы я не узнала, что ты поцеловал меня». И она поднялась на ноги и сняла часть своей одежды и осталась сидеть в тонкой рубашке и шелковом платке, и тогда страсть Ганима зашевелилась, и он спросил: «О госпожа, не разрешишь ли ты мне то, о чем я тебя просил?» – «Клянусь Аллахом, – отвечала она, – тебе это не годится, так как на перевязи моей одежды написаны

тяжелые слова». И сердце Ганима ибн Айюба разбилось, и его страсть усилилась, когда желаемое стало трудно достижимым, и он произнес:

«Просил я ту, по ком болел,
Одним лобзаньем боль унять.
«Нет, нет, – сказала, – никогда!»
Но я ответил ей: «Да, да!»
Она: «Охотою возьми,
Законным правом и смеясь».
«Насильно?» – я спросил, она ж
Сказала: «Нет, как щедрый дар».
Не спрашивай, что было, ты!
Аллах простит тебе, и все.
О нас что хочешь думай ты, –
Любовь от мыслей злых нежней,
И нету дела мне потом,
Открыл ли это враг, иль скрыл».

И после этого его любовь увеличилась, и огни вспыхнули в его сердце. Вот! А она защищалась от него и говорила: «Нет тебе ко мне доступа!» И они проводили время в любви и застольной беседе, и Ганим ибн Айюб потонул в море любовного безумия, она же стала еще сильнее упорствовать и чиниться, пока не пришла ночь с ее мраком и не опустила на них полы сна.

И Ганим встал и зажег светильники и засветил свечи и обновил трапезу и зелень и, взяв ноги девушки, стал целовать

их и нашел, что они подобны свежему сливочному маслу. И он потерся о них лицом и сказал: «О госпожа моя, сжался над пленником твоей любви, убитым твоими глазами! Мое сердце было бы невредимо, если бы не ты!» После этого он немного поплакал, и она сказала ему: «О господин мой и свет моих глаз, клянусь Аллахом, я люблю тебя и доверяю тебе, но я знаю, что ты меня не достигнешь». – «А в чем же препятствие?» – спросил он, и она сказала: «Сегодня ночью я расскажу тебе мою историю, и ты примешь мои извинения».

Потом она бросилась к нему и обвила его шею и поцеловала его и стала его уговаривать и обещала ему единение. И они до тех пор играли и смеялись, пока любовь друг к другу не овладела ими. И они продолжали пребывать в таком положении и каждую ночь спали на одной постели, но всякий раз, как Ганим требовал от нее единения, она сопротивлялась ему в течение целого месяца.

И сердцем каждого из них овладела любовь к другому, и у них не осталось терпения быть друг без друга, и когда наступила некая ночь из ночей, Ганим спал вместе с нею, и оба были опьянены. Он протянул руку к ее телу и погладил его, а затем он провел рукой по ее животу и спустился до пупка, и тогда она пробудилась, и села прямо, и осмотрела свои одежды, и, увидев, что они завязаны, снова заснула. И Ганим погладил ее рукой и спустился к ее шальварам и перевязи и потянул ее, и тогда девушка проснулась и села прямо, и Ганим сел рядом с ней, и она спросила его: «Чего это

ты хочешь?» – «Я хочу с тобой поспать и чтобы мы насладились», – отвечал Ганим, и она сказала ему: «Теперь я объясню тебе мое дело, чтобы ты знал мой сан и тебе открылась моя тайна и стали явными мои оправдания». – «Хорошо», – отвечал Ганим. И тогда она разорвала подол своей рубашки и, протянув руку к перевязи, стягивавшей ее одежду, сказала ему: «О господин, прочитай, что написано по краям этой перевязи». И Ганим взял перевязь в руку и взглянул на нее и увидел, что на ней вышито золотом: «Я твоя, а ты мой, о потомок дяди пророка!»⁹ И, прочтя это, он опустил руку и сказал девушке: «Открой мне твое дело!» И она отвечала: «Хорошо! Знай, что я наложница повелителя правоверных и мое имя Кут-аль-Кулуб. Повелитель правоверных воспитал меня в своем дворце, и я выросла, и халиф увидел мои качества, и красоту, и прелесть, которую даровал мне Господь, и полюбил меня сильной любовью.

И он взял меня и поселил в отдельном помещении и назначил десять невольниц прислуживать мне, и подарил мне эти украшения, которые ты видишь на мне. И в один из дней халиф отправился в какую-то страну, и Ситт-Зубейда¹⁰ пришла к одной из невольниц, служивших мне, и сказала: «До тебя есть нужда». – «А какая, о госпожа?» – спросила девуш-

⁹ Дядя Пророка – аль-Аббас ибн Абд-аль-Мутталиб – дядя пророка Мухаммеда, родоначальник династии Аббасидов, правившей восточным халифатом с 750 года до взятия Багдада монголами в 1258 году. Харун ар-Рашид был пятым халифом этой династии.

¹⁰ Ситт-Зубейда – любимая жена Харуна ар-Рашида.

ка, и Ситт-Зубейда сказала: «Когда твоя госпожа Кут-аль-Кулуб заснет, положи этот кусок банджа ей в ноздри или в ее питье и тебе будет от меня достаточно денег».

И невольница отвечала ей: «С любовью и охотой!» – и взяла от нее бандж, радуясь обещанным деньгам. Она была сначала невольницей Ситт-Зубейды, а затем пришла ко мне и положила бандж в мое питье. И когда настала ночь, я выпила его, и, как только бандж утвердился во мне, я упала на землю, и моя голова оказалась у моих ног, и я не успела опомниться, как уже оказалась в другом мире. А Ситт-Зубейда, когда удалась ее хитрость, положила меня в этот сундук и, тайно призвав негров, подкупила их так же, как и привратников, и отослала негров со мною в ту ночь, когда ты спал на пальме. И они сделали со мною то, что ты видел, и мое спасение пришло от тебя. Ты принес меня в это место и оказал мне крайнюю милость. Вот моя повесть и мой рассказ, и я не знаю, что произошло с халифом в мое отсутствие. Знай же мой сан и не объявляй о моем деле».

И когда Ганим ибн Айюб услышал слова Кут-аль-Кулуб и убедился, что она наложница повелителя правоверных, он отодвинулся от нее, и его охватило почтение к сану халифа, и он сидел один, упрекая себя и раздумывая о своем деле и призывая свое сердце к терпению. И он пребывал в растерянности, влюбленный в ту, до кого ему не было доступа, и плакал от сильной страсти, сетуя на пристрастие судьбы и ее враждебность. (Да будет превознесен тот, кто занял сердце

мыслью о любви и любимой!) И он произнес:

«Знай – сердце влюбленного бранят за любимых,
И ум похищен его их прелестью дивной.
Спросили меня: «Каков вкус страсти?» – и молвил я:
«Сладка хоть любовь, но в ней таится мученье».

И тогда Кут-аль-Кулуб поднялась к нему и обняла его и поцеловала, и любовь к нему овладела ее сердцем, и она открыла ему свою тайну, какова ее любовь к нему и обвила руками шею Ганима и целовала его, но он защищался от нее, боясь халифа. И они поговорили некоторое время, утопая в море любви друг к другу, а когда взошел день, Ганим поднялся и надел свои одежды и вышел, как обычно, на рынок. И он взял все, что было нужно, и вернулся домой и нашел Кут-аль-Кулуб плачущей, но, увидев его, она перестала плакать, и улыбнулась, и сказала: «Ты заставил меня тосковать, о возлюбленный моего сердца! Клянусь Аллахом, этот час, когда ты отсутствовал, был точно год из-за разлуки с тобой! Вот я изъяснила тебе, каково мое состояние от сильной любви к тебе; подойди же теперь ко мне, оставь то, что было, и удовлетвори свое желание со мной». – «Прибегаю к защите Аллаха! – воскликнул Ганим, – этого не будет! Как сидеть собаке на месте льва! То, что принадлежит господину, для раба запрещено!»

И он вырвался от нее и сел подальше, на циновку, а она еще больше полюбила его из-за его сопротивления. А потом

она села с ним рядом и стала пить и играть с ним, и он опьянел, и девушка обезумела от желания принадлежать ему. И она запела и произнесла:

«Душа того, кто пленен любовью, терзается,
Так доколе будешь вдали держаться, доколе же?
О ты, кто лик отвращаешь свой, хоть невинна я,
Ведь газель посмотрит всегда назад, убегая вдаль.
Отдаление и всегда разлука и вечно даль –
Ведь снести все это не может сразу юноша».

И Ганим ибн Айюб заплакал, и она заплакала из-за его плача, и они не переставали пить до ночи, а потом Ганим поднялся и постелил две постели, каждую в отдельном месте.

И Кут-аль-Кулуб спросила его: «Для кого эта вторая постель?» И он отвечал ей: «Эта – для меня, а другая – для тебя. С сегодняшней ночи мы будем спать только таким образом, ибо то, что принадлежит господину, для раба запрещено». – «О господин, – сказала она, – избавь нас от этого; все течет по решению и предопределению». Но Ганим отказался, и огонь вспыхнул в сердце Кут-аль-Кулуб, и ее страсть увеличилась, и она уцепилась за него и воскликнула: «Клянись Аллахом, мы будем спать только вместе!» Но он отвечал: «Сохрани Аллах!» И одержал над ней верх и проспал один до утра, а Кут-аль-Кулуб испытывала великую любовь, и ее страсть, влечение и влюбленность усилились.

И так они провели три долгих месяца, и всякий раз, как

она приближалась к нему, он сопротивлялся ей и говорил: «То, что принадлежит господину, для раба запретно!» Так продолжались для нее эти отсрочки с Ганимом, влюбленным, похищенным любовью, и ее горести и печали увеличались, она произнесла, утомленная дуמוю, такие стихи:

«Надолго ль, чудо прелести, жестокость?
Кто побудил тебя лик отворотить свой?
Все свойства прелести в себе собрал ты
И все виды красот себе присвоил.
Направил страсть ко всякому ты сердцу,
Но веки ты вручил ночному бдению.
Я знаю, плод с ветвей срывали прежде,
Но вижу, ветвь арака¹¹ не сорвешь ты.
Ловил обычно я газелей юных,
Но вижу, сам ты щитоносцев ловишь.
Всего страннее, – о, тебе скажу я, –
Что очарован я, а ты не знаешь.
Не будь же щедр на близость: я ревную
Тебя к тебе же, а к себе – тем паче.
И не скажу, куда жив, тебе я:
«Надолго ль, чудо прелести, жестокость?»

И они провели некоторое время в таком положении, и страх удерживал Ганима от девушки, и вот что было с Ганимом ибн Айюбом, влюбленным, похищенным любовью.

¹¹ Игра слов, основанная на одинаковом звучании слова «арака», которое переводится и как «я тебя вижу» и как название растения.

Что же касается Ситт-Зубейды, то она, сделав с Кут-аль-Кулуб в отсутствие халифа такое дело, впала в смущение и стала говорить: «Что я скажу халифу, когда он приедет и спросит о ней, и каков будет мой ответ ему?» И она позвала старуху, бывшую у нее, и посвятила ее в свою тайну и спросила ее: «Что мне делать, раз с Кут-аль-Кулуб была допущена крайность?» И старуха, поняв положение, ответила ей: «Знай, о госпожа, что проезд халифа близок, но пошли за плотником и вели ему сделать для тебя изображение мертвой из дерева, и мы выроем могилу посреди дворца и похороним ее. А ты построй над могилой часовню, где мы зажжем свечи и светильники, и прикажем всем, кто есть во дворце, одеться в черное. И вели твоим невольницам и евнухам, чтобы они, когда узнают, что халиф вернулся из путешествия, разостлали в проходах солому, а когда халиф войдет и спросит, в чем дело, ему скажут: «Кут-аль-Кулуб умерла, – да увеличит Аллах воздаяние тебе за нее, – и она так дорога ее госпоже, что та похоронила ее в своем дворце». И, услышав это, халиф заплачет, и ему станет тяжело, и он устроит по ней чтения и будет не спать ночей у ее могилы, а если он подумает: «Дочь моего дяди, Зубейда, из ревности постаралась сгубить Кут-аль-Кулуб», или им овладеет страсть, и он велит вынуть ее из могилы, не пугайся этого: когда могилу разроют и обнаружат это изображение, подобное человеку, халиф увидит ее, завернутую в роскошные пелены, но если он захочет снять с нее эти пелены, чтобы посмотреть на нее –

удержи его от этого, и другие тоже будут его удерживать и скажут: «Видеть ее срамоту запретно!» И тогда халиф поверит, что она умерла, и положит ее обратно, и отблагодарит тебя за твой поступок, и ты освободишься, если захочет Аллаха великий, из этой западни».

И, услышав слова старухи, Ситт-Зубейда нашла их правильными и наградила старуху одеждой и велела ей так и сделать, дав ей сначала много денег. И старуха тотчас же принялась за дело и велела плотнику изготовить такое изображение, как мы упомянули. И когда изображение было готово, она принесла его Ситт-Зубейде, и та завернула его в саван и похоронила и зажгла свечи и светильники и разостлала ковры вокруг могилы и оделась в черное и приказала рабыням также надеть черные одежды, и во дворце распространилась весть, что Кут-аль-Кулуб умерла.

А через некоторое время халиф вернулся и вошел во дворец, и ему ни до чего не было дела, кроме Кут-аль-Кулуб. И он увидел, что слуги, евнухи и невольницы одеты в черное, и сердце халифа задрожало. А войдя во дворец, к Ситт-Зубейде, он увидел, что и она одета в черное, и тогда халиф спросил, в чем дело, и ему рассказали о смерти Кут-аль-Кулуб, и он упал, потеряв сознание. А очнувшись, он спросил, где ее могила, и Ситт-Зубейда сказала ему: «Знай, повелитель правоверных, она была мне так дорога, что я похоронила ее во дворце». И тогда халиф, в дорожной одежде, пошел к могиле Кут-аль-Кулуб, чтобы навестить ее, и увидел, что разостланы

ковры и горят свечи и светильники. И, увидев это, он поблагодарил Ситт-Зубейду за ее поступок, но не знал, что думать об этом деле, и то верил, то не верил. А когда беспокойство овладело им, он приказал раскопать могилу и извлек оттуда погребенную. И, увидав саван, он хотел его развернуть, чтобы посмотреть на нее, но побоялся Аллаха великого, и старуха сказала: «Положите ее на место!» И после этого халиф сейчас же велел привести законоведов и чтецов и устроил над ее могилой чтения и сидел подле могилы плача, пока не лишился чувств. И он сидел у ее могилы целый месяц...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок вторая ночь

Когда же настала сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф не переставал приходить к могиле в течение месяца. И случилось так, что халиф вошел в гарем, когда эмиры и везири разошлись по домам, и проспал немного, и у него в головах сидела невольница и обмахивала его опахалом, а другая невольница, у его ног, растирала их. И халиф спал и проснулся и открыл глаза и зажмурил их и услышал, как та невольница, что сидела в головах, сказал невольнице, бывшей у ног: «Послушай-ка, Хайзуран!» И та ответила: «Да, Кадыб-аль-Бан!» И первая сказала: «Наш господин не ведает, что случилось, он не спит, проводя ночи у гроба, где ничего нет, кроме обструганной деревяшки, которую сделал плотник». – «А Кут-аль-Кулуб, что же с ней случилось?» – спросила другая. И первая девушка сказала ей: «Знай, что Ситт-Зубейда послала с невольницей кусок банджа и одурманила Кут-аль-Кулуб. Когда бандж овладел ею, Ситт-Зубейда положила ее в сундук и велела Сауабу и Кафуру вынести его из гробницы». И вторая невольница спросила: «Послушай, Кадыб-аль-Бан, разве госпожа Кут-аль-Кулуб не умерла?» – «Нет, клянусь Аллахом, – да сохранит он ее юность от смерти! – отвечала невольница. – Я слышала, как Ситт-Зубейда говорила, что Кут-аль-Кулуб у одного юноши, купца, по имени Ганим ибн Айюб Дамас-

ский, и что с сегодняшним днем она у него четыре месяца. А наш господин плачет и не спит ночей над гробом, в котором ничего нет».

И они еще долго говорили об этом, и халиф слушал их, а когда невольницы окончили разговор, халиф узнал все: и то, что могила поддельная, не настоящая, и то, что Кут-аль-Кулуб уже четыре месяца у Ганима ибн Айюба.

И халиф разгневался великим гневом и поднялся и вошел к эмирам своего царства, и тогда Джафар Бармакид приблизился к нему и поцеловал перед ним землю, а халиф с гневом сказал ему: «Джафар, ступай с людьми и спроси, где дом Ганима ибн Айюба. Общайте его дом и приведите ко мне мою невольницу Кут-аль-Кулуб. Я непременно подвергну его пытке!» И Джафар отвечал вниманием и повинованием. И тогда Джафар отправился с толпою народа, и вали вместе с ним, и они шли до тех пор, пока не пришли к дому Ганима.

Ганим в это время выходил, чтобы принести котелок мяса, и протянул руку, чтобы съесть мясо вместе с Кут-аль-Кулуб, но девушка бросила взгляд и увидела, что беда окружила их дом со всех сторон. Везирь, вали, стражники и невольники с обнаженными мечами, вынутыми из ножен, окружили его, как белое в глазу окружает черное. И тогда она поняла, что весть о ней дошла до халифа, ее господина, и убедилась в своей гибели, и лицо ее пожелтело, и прелести ее изменились, и она посмотрела на Ганима и сказала ему: «О мой лю-

бимый, спасай свою душу!» – «Как мне поступить и куда я пойду, когда мое имущество и достаток в этом доме?» – отвечал Ганим; и она сказала: «Не медли, чтобы ты не погиб и не пропали твои деньги». – «О возлюбленная, о свет моего глаза, – отвечал Ганим, – как мне сделать, чтобы выйти, когда дом окружен?» И Кут-аль-Кулуб сказала ему: «Не бойся!» И, сняв с него платье, надела на него поношенную одежду и, принеся котелок, где было мясо, положила туда кусок хлеба и чашку с кушаньем и все это сложила в корзину, которую поставила Ганиму на голову, и сказала ему: «Выйди с помощью этой хитрости и не бойся за меня. Я знаю, насколько халиф у меня в руках». И, услышав слова Кут-аль-Кулуб и то, что она ему посоветовала, Ганим прошел среди людей, неся корзину и то, что было в ней. И покровитель покрыл его, и он спасся от козней и бедствий, охраняемый своими чистыми намерениями.

А везирь Джафар, прибыв к дому, сошел с коня и вошел в дом и взглянул на Кут-аль-Кулуб, которая уже украсилась и разубралась и приготовила сундук золота, украшений, самоцветов и редкостей из того, что легко весом, но дорого по цене. И когда Джафар вошел к ней и увидел ее, она поднялась на ноги и поцеловала землю меж его рук и сказала ему: «О господин мой, издревле начертал калам то, что судил Аллах». И, увидев это, Джафар сказал ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа, он поручил мне лишь схватить Ганима ибн Айюба». – «О господин, – отвечала она, – он собрал товары и

отправился с ними в Дамаск, и я не имею о нем вестей. Я хочу, чтобы ты сохранил мне этот сундук; отвези его и отдай мне во дворце халифа». И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь». И он взял сундук и приказал отнести его. Кут-аль-Кулуб отправилась с ними во дворец халифа, окруженная уважением и почетом, и это было после того, как разграбили дом Ганима.

И Джафар рассказал халифу обо всем, что случилось, и халиф приказал отвести Кут-аль-Кулуб в темное помещение и поселил ее там, приставив к ней одну старуху, чтобы исполнять ее нужды, так как он думал, что Ганим развратничал с нею и делил с ней ложе. А потом халиф написал эмиру Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни (а он был наместником в Дамаске) приказ такого содержания: «В час прибытия этого приказа ты схватишь Ганима ибн Айюба и пришлешь его ко мне». И когда приказ прибыл к эмиру, тот поцеловал его и приложил к своей голове, а затем он велел кричать на рынках: «Кто хочет пограбить, пусть отправляется к дому Ганима ибн Айюба!» И люди пошли к дому и увидели, что мать Ганима и его сестра сделали ему могилу посреди дома и сидят возле нее, плача о нем. И их схватили и разграбили дом, а женщины не знали, в чем дело. И когда их привели к султану, тот спросил их о Ганиме, и они ответили: «Уже год или больше, как мы не можем ничего узнать о нем». И султан вернул их на прежнее место. Вот что было с ними.

Что же касается Ганима ибн Айюба, порабощенного, по-

хищенного, то когда его имущество было разграблено, он осмотрел свое состояние и начал оплакивать себя так, что его сердце чуть не разорвалось от горя. Он вышел и шел наугад до конца дня (а его голод усилился и ходьба утомила). Достигши какого-то селения, Ганим вошел в него и направился в мечеть и, сев на циновку, прислонился спиной к стене и откинулся, будучи до крайности голоден и утомлен. И он пребывал так до утра, а сердце его еле билось от голода, и вши бегали по его потному телу. И от него стало дурно пахнуть, и его состояние ухудшилось.

Утром жители этого селения пришли совершить молитву и нашли Ганима, который лежал слабый и похудевший от голода, но на нем были явные следы бывшего богатства. И когда люди помолились и подошли к нему, они увидели, что он холодный и голодный, и дали ему старую одежду, у которой обносились рукава, и сказали: «О чужеземец, откуда ты будешь родом и какова причина твоей болезни?» И Ганим открыл глаза и заплакал, но не ответил им. И один из них ушел (он понял, что Ганим голоден) и принес ему чашку меда и пару лепешек, и Ганим немного поел, а люди посидели у него, пока не взошло солнце, и ушли по своим делам. И он пребывал в таком положении месяц, оставаясь у них, и его слабость и болезнь увеличились, и люди плакали о нем и жалели его, и, посоветовавшись между собой, они сошлись на том, чтобы доставить его в больницу, которая в Багдаде. И пока это было так, вдруг подошли к Ганиму две женщи-

ны, нищенки (а это были его мать и сестра), и, увидав их, он отдал им хлеб, лежавший у его изголовья, и они проспали подле него эту ночь, а он так и не узнал их.

А когда наступил следующий день, жители селения пришли к нему и привели для него верблюда и сказали верблюжатнику: «Свези этого больного на верблюде, а когда достигнешь Багдада, положи его в воротах больницы: быть может, он исцелится и выздоровеет, а тебе достанется небесная награда».

И верблюжатник отвечал: «Внимание и повиновение!» И после этого Ганима ибн Айюба вынесли из мечети вместе с циновкой, на которой он лежал, и положили на верблюда. И его мать и сестра пришли посмотреть на него в числе прочих людей, не узнавая его, но потом они взглянули на него и всмотрелись внимательно и сказали: «Он похож на Ганима, нашего сына. Посмотреть бы, он ли этот больной, или нет».

А что до Ганима, так он очнулся только тогда, когда его везли на верблюде, привязанным веревкой, и стал плакать и жаловаться, а жители селения смотрели на его мать и сестру, которые плакали о нем, не узнавая его. Мать и сестра Ганима продолжали свой путь и достигли Багдада, а верблюжатник вез его до тех пор, пока не положил у ворот больницы, а потом он взял своего верблюда и уехал. И Ганим лежал у ворот до самого утра. И когда народ начал ходить по дороге, его увидели (а он стал тонок, как зубочистка), и люди смотрели на него. И пришел староста рынка и отстранил от него людей

и сказал: «Я стяжаю рай благодаря этому бедняге, ведь когда его снесут в больницу, его убьют в один день».

И он велел своим молодцам отнести Ганима, и его снесли в его дом, и староста постлал ему новую постель и положил новую подушку и сказал своей жене: «Ходи за ним хорошенько!» И она отвечала: «Хорошо, слушаю!» А затем она подобрала полы своей одежды, и согрела воды и вымыла Ганима и надела на него рубаху из рубах ее невольниц и дала ему выпить чашку питья и брызнула на него розовой водой, и тогда Ганим очнулся и жалобно застонал – он вспомнил свою возлюбленную Кут-аль-Кулуб, – и его горести увеличились. Вот что было с ним. Что же касается Кут-аль-Кулуб, то когда халиф разгневался на нее...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок третья ночь

Когда же настала сорок третья она сказала: «Дошло до меня, о ночь счастливый царь, что Кут-аль-Кулуб, когда халиф разгневался на нее и поселил ее в темном месте, провела в таком положении восемьдесят дней. И случилось так, что в какой-то день халиф проходил мимо этого помещения и услышал, как Кут-аль-Кулуб произносит стихи, а окончив свое стихотворение, она сказала: «О мой любимый, о Ганим, как ты прекрасен и как воздержна твоя душа. Ты поступил хорошо с тем, кто был злодеем, и охранял честь того, кто погубил твою честь. Ты охранял его гарем, а он захватил тебя и захватил твоих близких, но неизбежно и тебе и повелителю правоверных встать перед праведным судьей, и тебе будет оказана против него справедливость в тот день, когда будет судьейю владыка, – величие и слава ему, – а свидетелями будут ангелы».

И когда халиф услышал ее слова и уразумел ее сетованья, он понял, что Кут-аль-Кулуб обижена, и вошел в свой дворец и послал за нею Масрура, евнуха, и она явилась перед ним, понунив голову, с плачущим оком и печальным сердцем. И халиф сказал ей: «О Кут-аль-Кулуб, я вижу, ты жалуешься на меня и приписываешь мне несправедливость и утверждаешь, что я дурно поступил с тем, что хорошо поступил со мною. Кто же тот, кто охранил мою честь, а я подверг его

честь позору, и кто охранил мой гарем, а я его гарем похитил?» – «Это Ганим ибн Айюб, он не приблизился ко мне с мерзостью или злом, клянусь тебе, о повелитель правоверных», – отвечала она. И халиф воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Пожелай от меня, Кут-аль-Кулуб, и ты получишь!» – «Я желаю от тебя моего любимого, Ганима ибн Айюба», – сказала Кут-аль-Кулуб.

И халиф подчинился ее желанию, а она добавила: «И когда он явится, о повелитель правоверных, подари ему меня». – «Если он явится, я дам ему тебя в подарок от благородного, который не берет обратно дары», – отвечал халиф; и девушка сказала: «О повелитель правоверных, позволь мне поискать его, быть может, Аллах соединит меня с ним». И халиф промолвил: «Делай, что вздумаешь!» И Кут-аль-Кулуб обрадовалась и вышла, захватив с собою тысячу динаров золотом, и посетила шейхов и раздала за Ганима милостыню, а на второй день она пошла на рынок купцов и осведомила старосту рынка и дала ему денег, сказав: «Раздай их чужеземцам!» – и ушла.

А в следующую пятницу она пошла на рынок, взяв с собою тысячу динаров, и, придя на рынок золотых дел мастеров и торговцев драгоценностями, она позвала старосту и, когда тот явился, дала ему тысячу динаров и сказала: «Раздай их чужеземцам».

И надзиратель, то есть староста рынка, посмотрел на нее и спросил: «О госпожа, не согласишься ли ты пойти со мною в

мой дом и посмотреть на того чужеземца-юношу, как он прекрасен и совершенен?» (А это был Ганим ибн Айюб, влюбленный, похищенный любовью, но надзиратель не знал его и думал, что это бедный человек, имеющий долги, чье богатство расхищено, или влюбленный, расставшийся с любимыми.) И когда Кут-аль-Кулуб услышала его слова, ее сердце затрепетало, и все внутри у нее заволновалось, и она сказала: «Пошли со мною кого-нибудь, кто бы доставил меня к твоему дому». И староста послал с нею маленького мальчика, который привел ее к тому дому, где был чужеземец, гость старосты. И Кут-аль-Кулуб поблагодарила его за это и, придя к дому, вошла в него и поздоровалась с женой старосты, и жена старосты поднялась и поцеловала перед нею землю, так как она узнала ее.

И Кут-аль-Кулуб спросила: «Где больной, который у тебя?» И женщина заплакала и сказала: «Вот он, о госпожа! Клянусь Аллахом, он сын родовитых людей и на нем следы благосостояния; вот он, на постели». И Кут-аль-Кулуб повернулась и взглянула на него и увидела, что это как будто он самый, но она увидела, что он совершенно изменился и сильно похудел и отошал, так что сделался, как зубочистка.

И ее охватило сомнение насчет него, и она не была уверена, что это он, но ее взяла жалость к нему, и она заплакала и сказала: «Поистине, чужеземцы несчастны, даже если они были эмирами в своей стране!» И ей стало тяжело из-за него; хотя она не знала, что это Ганим, сердце ее из-за него боле-

ло. Она приготовила больному питье и лекарство и посидела немного у его изголовья, а потом она уехала и отправилась во дворец.

И она стала ездить по всем рынкам, ища Ганима, а потом староста привел его мать и сестру Фитну и вошел с ними к Кут-аль-Кулуб и сказал: «О госпожа благодетельниц, в ваш город пришли в сегодняшний день одна женщина и ее дочь; их лица прекрасны, и на них следы благосостояния, и бывшее счастье их ясно видно, но только они одеты в волосяную одежду, и у каждой из них висит на шее мешок, и глаза их плачут, и их сердца печальны. И вот я привел их к тебе, чтобы ты их приютила и охранила от нищеты, так как они не достойны нищенства. И мы, если захочет Аллах, войдем из-за них в рай». – «Клянусь Аллахом, господин мой, ты внушил мне желание увидеть их. Где же они? – спросила Кут-аль-Кулуб. Ко мне их!» – сказала она старосте, и тот велел евнуху ввести женщин. И тогда Фитна и ее мать вошли к Кут-аль-Кулуб.

И, увидев их (а они были прекрасны), она заплакала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, это дети благосостояния, на них ясно видны следы богатства!»

И тут жена старосты сказала: «О госпожа, мы любим бедных и несчастных ради небесной награды, а этих, может быть, обидели стражники и отобрали их богатство и разрушили их жилище». И несчастные разразились сильным плачем и подумали о том, как они были богаты и как стали бед-

ны и печальны, и вспомнили Ганима ибн Айюба, влюбленного, похищенного любовью, и, когда они заплакали, Куталь-Кулуб заплакала вместе с ними. И они сказали: «Просим Аллаха, чтобы он нас свел с тем, с кем мы хотим, это мой сын, чье имя Ганим ибн Айюб». И, услышав эти слова, Куталь-Кулуб поняла, что эта женщина – мать ее возлюбленного, а другая – его сестра. И она заплакала так, что лишилась чувств, а очнувшись, она обратилась к женщинам и сказала: «С вами не будет беды! Сегодняшний день – начало вашего счастья и конец вашего несчастья, – не печальтесь же...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок четвертая ночь

Когда же настала сорок четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Кут-аль-Кулуб сказала им: «Не печальтесь!», а потом она велела старосте взять их к себе в дом и сказать жене, чтобы она свела их в баню и одела в хорошую одежду и заботилась о них и почитала их крайним почетом. И дала ему немного денег. А на другой день Кут-аль-Кулуб села и поехала к дому старосты и вошла к его жене, а та поднялась и поцеловала ей руки и поблагодарила ее за милость. И Кут-аль-Кулуб увидела, что жена старосты сводила мать Ганима и его сестру в баню и переменяла бывшую на них одежду, и следы благосостояния стали видны на них.

И она посидела, разговаривая с ними, некоторое время, а потом спросила жену старосты о больном, который у нее, и когда та ответила: «Он в том же положении», Кут-аль-Кулуб сказала: «Пойдемте посмотрим на него и навестим его».

И она с женой старосты и мать с сестрой Ганима вошли к нему и сели подле него. И когда Ганим ибн Айюб, влюбленный, похищенный, услышал, что они упоминают о Кут-аль-Кулуб (а его тело стало худым и кости его размякли), дух вернулся к нему, и он поднял голову с подушки и позвал: «О Кут-аль-Кулуб!» И она посмотрела на него и взгляделась и узнала его и вскрикнула: «Да, о мой любимый!» И Ганим

сказал ей: «Приблизься ко мне», а она спросила: «Быть может, ты Ганим ибн Айюб, порабощенный, похищенный?» И Ганим отвечал ей: «Да, это я», и тут она упала в обморок, а когда его сестра Фитна и его мать услышали их слова, они вскричали: «О радость!» – и упали без чувств.

А потом они очнулись, и Кут-аль-Кулуб сказала: «Слава Аллаху, который свел нас с тобой и с твоей матерью и сестрой!» – и подошла к нему и рассказала обо всем, что случилось у нее с халифом.

«Я открыла правду повелителю правоверных, и он поверил моим словам и простил тебя, и в сегодняшний день он желает тебя видеть, – сказала она и добавила: – Он подарил меня тебе». И Ганим до крайности обрадовался этому. И Кут-аль-Кулуб сказала им: «Не двигайтесь, пока я не приду», – и тотчас же, в ту же минуту, поднялась и отправилась во дворец и привезла сундук, который она взяла из дома Ганима, и, вынув оттуда несколько динаров, дала их старосте и сказала: «Возьми эти деньги и купи для каждого из этих людей по четыре полных одежды из лучшей материи и двадцать платков и прочее, что им нужно». А потом она отвела их и Ганима в баню и велела их вымыть и приготовила им отвары и сок калгана и яблочной воды, когда они вышли из бани и надели одежды. И она провела у них три дня, кормя их куриным мясом с отварами и поя их водою с очищенным сахаром, а через три дня душа вернулась к ним, и она свела их в баню вторично и, когда они вышли, переменяла на

них одежду и оставила их в доме старосты, а сама уехала во дворец.

И она попросила у халифа разрешения войти, и халиф позволил ей, и, войдя, она поцеловала перед ним землю и осведомила его об этом деле и о том, что появился ее господин, Ганим ибн Айюб, влюбленный, похищенный, и его мать и сестра тоже явились.

И, услышав слова Кут-аль-Кулуб, халиф сказал евнухам: «Ко мне с Ганимом!» И Джафар отправился к нему, а Кут-аль-Кулуб опередила его и, войдя к Ганиму, сказала ему: «Халиф послал к тебе и требует тебя пред лицо свое». И она научила его быть красноречивым в речах и укрепить свою душу и говорить мягко, и одела его в роскошное платье и дала ему динары во множестве и сказала: «Будь очень щедр к приближенным халифа, когда будешь входить к нему».

И вдруг Джафар приблизился к нему на своем нубийском муле, и Ганим поднялся и встретил его и приветствовал и поцеловал перед ним землю, и звезда его счастья появилась и засияла. И Джафар взял его, и они долго ехали, он и Джафар, пока не вошли к повелителю правоверных. И когда они предстали перед ним, Ганим взглянул на везирей, эмиров, придворных, наместников, вельмож правления и обладателей могущества и высказался нежно и красноречиво, а затем он взглянул на халифа и, склонив голову к земле, произнес такие стихи:

«Да будешь жив, о владыка высший саном,
Чьих подарков ряд и даров течет чредою!
Не хотят они никого другого из кесарей
Видеть в месте сем, ни владык дворца Хосроев¹²,
И цари слагают в пыли порогов палат его,
При приветствии, драгоценные короны,
А когда посмотрят они глазами в лицо ему,
Припадают в страхе к земле они брадою.
И приносят им заодно с прощеньем хоромы те,
И высокий чин, и султана сан преславный.
Для войск твоих тесны пустыни и мир людей –
Так разбей же лагерь в высотах ты Сатурна.
Да хранит тебя повелитель всех своей силою –
Ты душою тверд и в делах своих расчетлив.
И всю гладь земли ты покрыл справедливостью,
И равняешь ею и дальних ты и близких».

И когда он окончил свои стихи, халиф возвеселился, и ему понравилось красноречие языка Ганима и нежность его выражений...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

¹² Хосрой – имя двух персидских царей из династии Сасанидов (III–VII вв.). Легенда приписывает им огромное богатство и могущество. Великолепный дворец в городе Ктесифоне на берегах Тигра, построенный в III в., о котором здесь говорится, арабы называют «дворцом Кисры», то есть Хосроя.

Сорок пятая ночь

Когда же настала сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халифу понравилось красноречие и стихи и нежность выражений Ганима, и он сказал ему: «Приблизься ко мне!» И когда Ганим приблизился, халиф молвил: «Изъясни мне твою историю и осведоми меня о твоём деле». И Ганим сел и рассказал халифу о том, что случилось с ним в Багдаде; как он спал в гробнице и взял сундук у негров, когда они ушли, и поведал ему обо всем, что случилось, с начала до конца, – а в повторении нет пользы.

Халиф, узнавши, что Ганим говорит правду, наградил его и приблизил к себе и сказал: «Очисти меня от ответственности!» И Ганим снял с него ответственность и сказал: «О владыка султан, поистине раб и то, чем владеют его руки, принадлежат господину его». И халиф возрадовался. А потом он велел отвести Ганиму дворец и назначил ему выдачи и жалованья и дары многие, и затем перевел его туда и перевел его сестру и мать. И халиф прослышал о сестре его, Фитне, что она по красоте – искушение, и посватал ее у Ганима, а Ганим сказал ему: «Она твоя служанка, а я твой раб». И халиф поблагодарил его и дал ему сто тысяч динаров. И он вызвал свидетелей и судью, и обе записи написали в один день, то есть запись халифа и Фитны и запись Ганима ибн Айюба с Кут-аль-Кулуб. И халиф с Ганимом вошли к своим женам в

одну и ту же ночь. А наутро халиф приказал занести в летопись все, что случилось с Ганимом по его рассказу, с начала до конца, и на вечные времена сохранить в казне, чтобы читал тот, кто придет после него, и изумлялся бы превратностям судеб, и вручил бы дела свои Творцу ночи и дня.

Но это нисколько не удивительнее повести о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом его сыне, Дау-аль-Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах».

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах (ночи 45-145)

«А какова их повесть?» – спросил царь.

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в городе Мира¹³, в славное халифство Абд-аль-Мелика ибн Мервана, царь, которого звали Омар ибн ан-Нуман. Он был из великих властителей и покорил царей – Хосроев и кесарей¹⁴, и нельзя было греться у его огня¹⁵. И не гонялся с ним никто на ристалище, и когда он был гневен, из ноздрей его вылетали искры. Он овладел всеми землями, и Аллах подчинил ему всех рабов своих, и веления его исполнялись во всех городах, а войска его достигли отдаленнейших краев. И вошли под власть его и восток и запад и то, что меж ними, – и Хинд, и Синд, и Китай; и земля аль-Хиджаз и

¹³ Город Мира – Багдад. Здесь имеет место анахронизм, каких немало в книге «1001 ночи»: город Багдад был заложен в 762 г., то есть через 58 лет после смерти упоминаемого здесь халифа

¹⁴ Хосрой и кесари – персидские и византийские правители

¹⁵ То есть никто не мог устоять против огня его ярости.

страна аль-Пемен; и острова Индии и Китая; и страны севера; Диар-Бекр и земля Черных и острова морей, и все, какие есть на земле, знаменитые реки, – Сейхун и Джейхун¹⁶, Нил и Евфрат.

И он послал своих послов в отдаленнейшие города, чтобы они принесли ему верные сведения, и они вернулись и рассказали о том, что там справедливость, повинование и безопасность, и люди молятся за султана Омара ибн ан-Нумана. Вот! А Омар ибн ан-Нуман, о царь времени, обладал великою знатностью, и к нему везли дары и редкости и подать из всех мест.

И был у него сын, которого он назвал Шарр-Каном, и был он более всех людей похож на него, и вырос он как бедствие из бедствий судьбы, и покорял доблестных и уничтожал соперников. И отец полюбил его великою любовью, больше которой не бывает, и поручил ему царствовать после себя. И Шарр-Кан рос и достиг возраста мужей, и стало ему двадцать лет жизни, и Аллах подчинил ему всех рабов – такова была сила его ярости и суровости. А у отца его Омара ибн ан-Нумана было четыре жены, согласно Книге и установлениям¹⁷, но только ему не было дано от них сына, кроме Шарр-Кана, который был от одной из них, а остальные были бесплодны,

¹⁶ Хинд – Индия, Синд – область в нижнем течении реки Инда, Диар-Бекр – область и город на правом берегу Тигра; Земля Черных – Судан; Сейхун и Джейхун – Сыр-Дарья и Аму-Дарья.

¹⁷ Книга – Коран; установления – Сунна (правила поведения, установленные на основании преданий о словах и делах пророка Мухаммеда).

и ни от одной из них он не имел ребенка.

А вместе с этим у него было триста шестьдесят наложниц, по числу дней в году у коптов¹⁸, и эти наложницы были из всех народов, и он устроил для каждой из них комнату (а эти комнаты были внутри дворца), и выстроил двенадцать дворцов, по числу месяцев в году, и сделал в каждом дворце тридцать комнат, так что всех комнат стало триста шестьдесят. И он поселил этих невольниц в тех комнатах и назначил каждой из наложниц одну ночь, которую он проводил у нее, и он приходил к ней только через целый год, и так он провел некоторое время.

И его сын Шарр-Кан прославился во всех странах, и отец его радовался ему, и сила его увеличилась, и он преступил границы и возгордился и завоевал крепости и земли. И по predetermined велению было так, что одна невольница из невольниц Омара ибн ан-Нумана понесла. И тягота ее стала известна, и царь узнал об этом и обрадовался великою радостью и сказал: «Быть может, будут все мои дети и мое потомство мужским!» И он отметил время, когда она понесла, и стал ей оказывать благоволение.

И Шарр-Кан узнал об этом и сделался озабочен, и ему показалось великим это дело, и он сказал: «Явится тот, то будет оспаривать у меня царство! Если эта невольница родит дитя мужского пола, я убью его». Но мысли эти он скрыл в своей душе. Вот что было с Шарр-Каном.

¹⁸ Коптами арабы называли исконных обитателей Египта

Что же касается невольницы, то это была румийка¹⁹, и ее прислал в подарок царь румов, властитель Кайсариин²⁰, и прислал вместе с нею редкости во множестве. А имя ее было Суфия, и была она прекраснее всех невольниц и красивее их лицом, и она лучше их всех соблюдала свою честь и обладала в избытке умом и блестящею прелестью. И она прислуживала царю в ту ночь, которую он проводил у нее, и говорила ему: «О царь, я желала бы от Господа Небес, чтобы он тебя наделил от меня ребенком мужского пола, и я могла бы хорошо воспитать его и старательно образовать и уберечь».

А царь радовался, и ее слова нравились ему. И она поступала так, пока не исполнились ее месяцы, и тогда она села на седалище родов, а во время беременности она была праведна и хорошо соблюдала благочестие и молила Аллаха, чтобы он наделил ее здоровым ребенком и облегчил ей роды, и Аллах принял ее молитву. А царь поручил евнуху сообщить ему, кого она родит: дитя мужского пола или женского. И сын его Шарр-Кан также послал кого-то, чтобы осведомить его об этом.

И когда Суфия родила, повитухи осмотрели новорожденного, и оказалось, что эта девочка с лицом яснее месяца. И они сообщили о ней присутствующим, и посланец царя воротился и рассказал ему, и посланец Шарр-Кана тоже рас-

¹⁹ Румами в странах Ближнего Востока называли жителей Византии.

²⁰ Кайсария – под этим названием у арабов известно два города: в Каледине (в 126 г. он был взят мусульманами и разрушен) и в Малой Азии.

сказал ему об этом, и тот обрадовался великою радостью. А когда евнухи ушли, Суфия сказала повитухам: «Подождите со мною немного, я чувствую во внутренностях еще что-то другое!» И она застонала, и роды пришли к ней вторично, но Аллах помог ей, и она родила второго младенца, и, когда повитухи осмотрели его, они увидали, что это дитя мужского пола, похожее на луну, с сияющим лбом и румяными, розовыми щеками.

И невольница, и слуги, и челядь обрадовались ему, а также и все, кто присутствовал при этом, и Суфия выкинула послед, а во дворце уже поднялись крики радости, и остальные невольницы услышали и позавидовали ей.

И эта весть дошла до Омара ибн ан-Нумана, и он возвеселился и обрадовался и, поднявшись, вышел и поцеловал Суфию в голову и посмотрел на новорожденного, а затем он склонился над ним и поцеловал его. А невольницы забили в бубны и заиграли на инструментах, и царь повелел, чтобы новорожденного назвали Дау-аль-Макан, а сестру его – Нузхат-аз-Заман. И его приказанию последовали и ответили вниманием и повиновением, и царь назначил младенцам, чтобы ходить за ними, кормилиц, и слуг, и челядь, и нянек и установил им выдачи сахара, напитков, масел и прочего, что описать бессилен язык.

И жители Багдада слышали о том, какими наделил Аллах царя детьми, и город украсился, и стали бить в литавры, и эмиры, везири и вельможи царства пришли и поздравили

царя Омара ибн ан-Нумана с сыном Дау-аль-Маканом и дочерью Нузхат-аз-Заман. И царь благодарил их за это и награждал их и умножил им свои милости, одаряя их, и облагодетельствовал присутствующих, приближенных и простых. И в таком положении он пребывал, пока не прошло четыре года, и через каждые несколько дней он спрашивал о Суфии и ее детях, а после четырех лет он приказал перенести к ней множество драгоценностей, одежд и украшений и денег и поручил ей воспитать детей и хорошо обучить их.

И при всем этом царевич Шарр-Кан не знал, что его отцу Омару ибн ан-Нуману было дано дитя мужского пола, и не ведал, что у его отца есть ребенок, кроме Нузхат-аз-Заман, и от него скрывали сведения о Дау-аль-Макане, пока не прошли года и дни, а он был занят битвами с хабрецами и поединками с витязями. И вот в один из дней царь Омар ибн ан-Нуман сидит, и к нему входят придворные и, целуя землю меж его рук, говорят ему: «О царь, к нам пришли послы от царя румов, властителя Кустантынии великой²¹, и они желают войти к тебе и предстать меж твоих рук. И если царь разрешит им войти, мы введем их, а иначе – нет возражения его приказу».

И царь разрешил им сойти, и когда они вошли, склонился к ним и встретил их и спросил, кто они и какова причина их прибытия, и гонцы поцеловали землю меж его рук и сказали: «О великий царь, щедрый на руку, знай, что нас послал к те-

²¹ Кустантыния великая – Константинополь.

бе царь Афридун, властитель стран греческих и войск христианских, пребывающий в царстве аль-Кустантынии. Он извещает тебя, что ныне он ведет жестокую войну с упорным гордецом – властителем Кайсарии, и причина этому в том, что одному из царей арабов случилось в древние времена, в один из своих походов, найти клад времен аль-Искандера²², и он перевез оттуда богатства неисчислимые, и среди того, что он нашел, было три круглых драгоценных камня, величиною с яйцо страуса, и были они из россыпи белых, чистых камней, которым не найти равных. И на каждом камне были вырезаны греческими письменами дела тайные и им присущи многие полезные свойства и особенности, и одно из этих свойств то, что всякого младенца, на чью шею повесят один из этих камней, не поразит болезнь, пока этот камень будет висеть на нем, и не застонет он, и его не залихорадит.

И когда он нашел их и наложил на них руку и узнал, какие были в них тайны, он послал царю Афридуну в подарок некоторые редкости и деньги и, между прочим, эти три камня. И снарядил два корабля, на одном из которых были деньги, а на другом – люди, чтобы охранять эти подарки от случайных встреч в море. Но он знал, что никто не властен задержать его корабли, так как он царь арабов, и в особенности потому, что путь кораблей, на которых подарки, пролегает по морю, входящему в царство царя аль-Кустантынии, и эти корабли направляются к нему, а на побережье этого моря нет никого,

²² То есть Александра Македонского.

кроме подданных великого царя Аффридуна.

И когда корабли были снаряжены, они поплыли и приблизились к нашим странам, и к ним вышли какие-то разбойники из этой земли, и среди них были войска от властителя Кайсарии. И они взяли все бывшие на кораблях редкости, и деньги, и сокровища, и три драгоценных камня, и перебили людей, и об этом узнал наш царь и послал на них войска, но они сломили его, и тогда он послал на них второе войско, сильнее первого, но и его также они обратили в бегство, и царь разгневался и поклялся, что непременно выйдет на них сам со всеми своими войсками и не вернется от них, пока не превратит Кайсарию армян в развалины и не оставит их землю и все страны, которыми правит их царь, разрушенными.

И желаем мы от владыки века и времени, царя Омара ибн ан-Нумана, властителя Багдада и Хорасана, чтобы он поддержал нас своим войском, дабы досталась ему слава, и наш царь прислал тебе с нами подарки всякого рода и просит, чтобы царь сделал ему милость, приняв их, и оказал бы ему милостивую помощь. И потом посланцы облобызали землю меж его рук...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок шестая ночь

Когда же настала сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что войска и посланцы, прибывшие от царя аль-Кустантынии, облобызали землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана, рассказав ему обо всем, и выложили ему подарки. А подарками были: пятьдесят невольниц из лучших земель румов и пятьдесят невольников, на которых были парчовые кафтаны с поясами из золота и серебра. И у каждого невольника в ухе было золотое кольцо с жемчужиной, ценою в тысячу мискалей²³ золота, и у невольниц также и на них были одежды, которые стоили больших денег. И, увидав их, царь принял их и обрадовался и велел оказать почет посланцам.

И он обратился к своим везирям и посоветовался с ними о том, что ему делать, и из среды их поднялся один везирь, – а это был дряхлый старец, по имени Дандан, – и поцеловал землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана и сказал: «О царь, самое лучшее в этом деле, чтобы ты снарядил большое войско, и поставил во главе его твоего сына Шарр-Кана, а мы будем перед ним слугами. И так поступить, по-моему, всего лучше по двум причинам: во-первых, царь румов прибег к твоей защите и прислал тебе подарки, которые ты принял.

²³ Мискаль – приблизительно равняется 4,5 грамма.

А вторая причина та, что враг не отважится вторгнуться в наши земли, и, если твое войско защитит царя румов и будет разбит его враг, это дело припишут тебе, и оно станет известно во всех землях и странах, и в особенности, когда весть об этом дойдет до морских островов и об этом прослышат жители Магриба²⁴, они понесут тебе дары, редкости и деньги».

Услышав это, царь остался доволен речами своего везира и нашел их правильными и наградил его и сказал: «С подобными тебе советуются цари, и должно тебе быть в передовых войсках, а моему сыну Шарр-Кану в задних рядах войск!» И потом он велел призвать своего сына Шарр-Кана, и тот, явившись, поцеловал землю меж рук своего отца и сел, и царь рассказал ему об этом деле и поведал, что сказали посланцы и что высказал везирь Дандан. И он приказал ему приготовиться и снарядиться в путь и не перечить везирию Дандану в том, что тот будет делать, и велел ему выбрать из своих войск десять тысяч всадников в полном вооружении, стойких в боях и тяготах. И Шарр-Кан последовал тому, что сказал ему отец Омар ибн ан-Нуман, и тотчас же поднялся и выбрал из своих войск десять тысяч всадников. А потом он пошел в свой дворец и сделал смотр войскам и роздал им деньги и сказал: «Срок вам три дня», и они поцеловали землю меж его рук, покорные его приказу, и ушли от него и принялись готовиться и снаряжаться.

А Шарр-Кан вошел в кладовые с оружием и взял все, что

²⁴ Магриб (запад) – так арабы называют северо-западную Африку.

было ему нужно из доспехов и вооружения, после чего направился в конюшни и выбрал коней, меченых и других. Так они проводил три дня, и потом войска вступили в окрестности города Багдада. И Омар ибн ан-Нуман вышел, чтобы проститься со своим сыном Шарр-Каном, и тот поцеловал перед ним землю, и царь подарил ему семь мешков денег. И, обратившись к везирию Дандану, он поручил ему войска своего сына Шарр-Кана, и везирь поцеловал землю меж его рук и ответил ему вниманием и повиновением. И царь обратился к своему сыну Шарр-Кану и велел ему советоваться с везирем обо всех делах, и Шарр-Кан согласился на это, а его отец вернулся и вошел в город.

И после этого Шарр-Кан велел начальникам сделать смотр, и они выстроили войска, а числом было их десять тысяч всадников, кроме тех, что следовали за ними. И потом войска тронулись и забили барабаны, и зазвучали трубы, и развернулись знамена и стяги. И царевич Шарр-Кан поехал, и везирь Дандан был рядом с ним, а знамена трепетали над их головами. И они двигались без остановки, предшествуемые послами, пока день не повернул на закат и не приблизилась ночь. И тогда они спешили и отдохнули и провели эту ночь, а когда Аллах засветил утро, они сели на коней и поехали, ускоряя ход, в течение двадцати дней, а послы указывали им дорогу. А на двадцать первый день они подошли к долине, распространившейся во все стороны, обильной деревьями и растениями и обширно раскинувшейся. И прибы-

тие их в эту долину случилось ночью. И Шарр-Кан приказал им спешиться и оставаться в этой долине три дня, и войска спешились и разбили палатки, и воины рассеялись направо и налево. Везирь Дандан, а с ним послы Афридуна, властителя аль-Кустантынии, расположился среди этой долины. А что до царя Шарр-Кана, то он, когда войско прибыло, постоял некоторое время, пока все не спешились и не рассеялись по долине. А потом он отпустил поводья своего коня и хотел осмотреть эту долину и нести охрану сам, следуя наставлениям отца, – они ведь подошли к стране румов, к земле врага. И он отправился один, приказав сначала своим невольникам и приближенным расположиться подле везиря Дандана, и ехал на своем коне по краю долины, пока не прошло четверти ночи.

И Шарр-Кан устал, и сон одолел его, и он был не в силах даже понукать своего коня, а у него была привычка спать на коне. И когда сон налетел на него, он уснул, и конь нес его, не останавливаясь, до полуночи и вошел о какую-то рощу, а в этой роще было много деревьев. И Шарр-Кан не проснулся, пока его конь не ударил копытом о землю. Только тогда Шарр-Кан пробудился и увидел себя среди деревьев, и месяц взошел над ним и осветил оба края неба. И Шарр-Кан пришел в недоумение, увидав себя в этом месте, и произнес слова, говорящий которые не смутится, то есть: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И пока он пребывал в таком состоянии, страшась диких зверей, вдруг

лунный свет распространился над лугом, подобным одному из лугов рая, и он услышал прекрасные речи и громкий шум и смех, пленяющий умы мужей.

И царь Шарр-Кан сошел со своего коня и привязал его в деревьях и шел, пока не приблизился к струящемуся потоку воды. И тут он услышал слова женщины, говорившей по-арабски: «Клянись Мессией, нехорошо это от вас! Всякую, кто произнесет одно слово, я повалю и скручу поясом! Вот!» А Шарр-Кан шел на голоса и дошел до конца этого места и вдруг видит: течет река, порхают птицы, носятся лани и играют звери. А птицы на разных языках изъясняют свойства счастья. И это место было оплетено разными растениями, как сказал о нем кто-то из описывающих его в таком двустиишии:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.